

И. Лукаш, А.В. Туркул

Дроздовцы в огне

Живые рассказы и материалы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Лукаш**
Дроздовцы в огне: Живые рассказы и материалы / И. Лукаш, А.В. Туркул –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 326 с.

ISBN 978-5-517-97878-3

ISBN 978-5-517-97878-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Наша Заря.

Я вбѣгаю по ступенямъ деревянной лѣстницы къ намъ въ „юнкерскую“, навѣрхъ нашего стараго тираспольскаго дома, смотрю, а черезъ спинку кресла перекинуть френчъ моего брата Николая, съ офицерскимъ бѣлымъ Георгіемъ. Николай, сибирскій стрѣлокъ, пріѣхалъ съ фронта раньше меня, и я не зналъ ни объ его третьемъ раненіи, ни объ орденѣ святого Георгія. Въ третій разъ Николай былъ раненъ тяжело, въ грудь.

Я пріѣхалъ съ фронта тоже послѣ третьяго раненія: на большой войнѣ я былъ раненъ въ руку, ногу и плечо.

Мы были рады нечаянной и недолгой встрѣчѣ: врачи настояли на отъѣздѣ брата въ Ялту. Прострѣленная грудь грозила чахоткой.

Это было въ концѣ 1916 года. Вскорѣ я снова уѣхалъ на фронтъ. И вотъ, на фронтѣ, застигъ меня 1917 годъ.

Я представляю себя самого, тогдашняго штабсъ-капитана 75-го пѣхотнаго Севастопольскаго полка,—не совсѣмъ такое же существо, какъ теперь, — я представляю себѣ того молодого офицера, который былъ потрясенъ національнымъ бѣдствіемъ революціи, какъ и тысячи другихъ, среди военной русской молодежи.

Моя жизнь и судьба неотдѣлимы отъ судьбы русской арміи, захваченной національной катастрофой, и въ томъ, что я буду рассказывать, желалъ бы я только возстановить тѣ армейскія дѣла, въ которыхъ я имѣлъ честь участвовать и тѣхъ армейскихъ людей, съ кѣмъ имѣлъ честь стоять въ огнѣ за одно.

Въ разгаръ 1917 года, когда замитинговаль и нашъ

полкъ, я сталъ въ нашей дивизіи формировать ударный батальонъ

Надо сказать, что почти съ начала войны ординарцемъ у меня служилъ ефрейторъ Курицынъ, любопытный солдатъ.

Курицыну было лѣтъ подь сорокъ. Рыжеватый, съ нафабранными всами, былъ онъ горькій пьяница и веселый человекъ. Звали его Иванъ Филимоновичъ. До войны онъ былъ кровельщикомъ, во Владимирской губерніи у него осталась жена и четверо ребятъ. Курицынъ очень привязался ко мнѣ.

Въ 19 7 году я отправилъ его въ отпускъ и въ армейскомъ развалѣ забылъ о моемъ Санчо-Панчо.

И вотъ внезапно онъ явился ко мнѣ, но въ какомъ видѣ: оборванецъ, въ ветоши, въ синякахъ и безъ сапогъ.

— Ты что же, — сказалъ я ему. — Ну, не образина ли, братецъ? Обмундированіе и то пропилъ...

— Никакъ нѣтъ, не пропилъ. Меня товарищи раздѣли.

И Курицынъ повѣдалъ, какъ пріѣхалъ изъ отпуска въ нашъ полкъ, а въ полку меня нѣтъ, и комитетчики злобятся, что я отбираю ударниковъ.

Иванъ Филимоновичъ не пожелалъ оставаться въ развалившемся полку и подалъ докладную по командѣ, чтобы его изъ полка отправили ко мнѣ.

Тутъ и начались испытанія ефрейтора Курицына. Комитетчики всячески его оскорбляли, „холуемъ“ бранили, что „ряшку въ деньщикахъ нажралъ“, доходило и до затрещинъ, а потомъ на митингѣ проголосовали отобрать отъ ефрейтора все обмундированіе, сапоги, казенные подштанники, даже портянки, а выдать самую ветошь.

Потому то Иванъ Филимоновичъ и явился ко мнѣ чуть не нагишомъ.

Онъ стоитъ передо мною, а мнѣ вспоминаются Карпаты, ночь, снѣгъ.

Въ ночной атакѣ на Карпатахъ я былъ раненъ въ ногу. Атаку отбили, наши отошли. Я остался лежать въ глубокомъ снѣгу, не могъ подняться, кость нестер-

пимо мозжила. Я горѣлъ и глоталъ снѣгъ. Помню, сухія содроганія пулететнаго огня и какъ надо мною, въ морозной мглѣ, роились звѣзды.

Иванъ Филимоновичъ тогда подобрался ко мнѣ. Онъ поволокъ меня по снѣгу, подъ мышки. Я невольно застоналъ. Онъ прошепталъ мнѣ сердито, чтобы я молчалъ.

Такъ онъ вынесъ меня изъ огня. Самъ онъ былъ раненъ въ грудь, на груди шинель его была черной отъ крови и курилась паромъ.

Я вспоминаю его на Карпатахъ, такъ же, какъ и другого ефрейтора Горячаго, рядового Розума и рядового Засулько, и тысячи тысячъ другихъ русскихъ солдатъ, вѣрныхъ присягѣ и долгу, спящихъ теперь вповалку въ братскихъ могилахъ до трубы Архангела.

И думаю, что они, наши свѣтлоглазые русскіе орлы, послушные во всемъ, — въ самой смерти, — вѣрящіе и вѣрные всей душой офицеру, и создали героическую офицерскую молодежь, для которой солдатъ всегда былъ младшимъ братомъ, — героическую молодежь, три года отбивавшую отъ совѣтскаго рабства Россію. Мы бились за русскій народъ, за его свободу и душу, чтобы онъ, обманутый, не сталъ совѣтскимъ рабомъ.

Ивана Филимонови а я поблагодарилъ за вѣрную службу, а его женѣ, во владимирское село, послалъ денегъ, сколько могъ. Самому Курицыну дать деньги на руки поостерегся: все равно пропъетъ.

Это было подъ Венденомъ, куда, послѣ развала 12-ой арміи, былъ переброшенъ въ 3-ю Особую дивизію мой ударный батальонъ. Тамъ Курицынъ и напросился доставить ко мнѣ домой трехъ моихъ коней. Кони, дѣйствительно, были хороши, и заплатилъ я за нихъ хорошо, но ихъ надо было везти въ Тирасполь, чуть ли не черезъ всю Россію, въ самую разруху.

Жалѣлъ коней и мой вѣстовой Павелъ Дроздовъ, сибирякъ.

Дроздовъ солдатъ былъ заботливый. Въ глинистыхъ окопахъ, полныхъ воды, если у меня промокнутъ ноги, обязательно найдутся у Павла шерстяные носки на перемѣну, всегда есть чистое бѣлье, а горя-

чіе котелки изъ кухонь онъ мнѣ носилъ подъ самымъ огнемъ. Сибирякъ былъ человѣкъ суровый, любитель порядка и спорщикъ по домашнимъ дѣламъ.

Павель Дроздовъ очень желалъ получить Георгіевскій крестъ. Подъ Станиславовымъ онъ напросился со мной въ бой.

Помню, я далъ команду къ атакѣ, поднялся, за мной адъютантъ ударнаго батальона, а всѣ лежатъ. Смотрю, подымается одинъ мой Павель.

Такъ мы трое и начали атаку: командиръ, адъютантъ и вѣстовой. За нами поднялись всѣ. Павель былъ легко раненъ въ плечо. Въ атакѣ онъ заслужилъ свой солдатскій крестъ. Послѣ удачнаго боя намъ пришлось переходить вбродъ какую то рѣчку, и вотъ мой новый герой окликаетъ меня по домашнему: „Ваше благородіе, какъ вы ноги промочили, носки другіе подмѣните!“

Любопытно, что послѣ этого боя всѣ солдаты весьма уважительно стали величать Дроздова по имени-отчеству.

Сибиряки, чалдоны, крѣпкій народъ. Я помню, какъ эти остроглазые и гордые бородачи ходили въ атаку съ иконами поверхъ шинелей, а иконы большія, почернѣвшія, дѣдовскія. Точно крестный ходъ.

Изъ окоповъ другой нарываетъ бабахать почаще, самъ себя подбодряя, а куда бабахаетъ, и не слѣдитъ. Сибирскій же стрѣлокъ бьетъ рѣдко, да мѣтко. Онъ всегда норовитъ стрѣлять по прицѣлу. Про сибиряковъ недаромъ говорятъ, что они „бѣлкѣ въ глазъ мѣтятъ, чтобы шкурки не испортить“. Губительную мѣткость ихъ огня и боевую выдержку отмѣчаютъ, какъ извѣстно, многіе военные писатели, и среди нихъ генераль Людендорфъ.

А своими побѣдами сибирскіе бородачи передъ другими солдатами были горды, что называется дочорта. Едва зайдетъ при нихъ солдатскій разговоръ, что такому-то полку дали георгіевскія петлицы, или что тамъ то снова прославилась гвардія, какъ сибирякъ уже щурится презрительно и говоритъ съ равнодушіемъ: „Да брось ты про георгіевскія петлицы... Гвардея то-

же... Что гвардея, когда мы, сибирячки, съ ашалоновъ Аршаву атаковали".

Вотъ мой чалдонъ Дроздовъ, съ Курицынымъ, погрузили коней въ вагонъ и поѣхали. А куда поѣхали неизвѣстно, ни мнѣ, ни имъ.

Я съ девятью офицерами-ударниками добрался до Тирасполя только къ самой зимѣ, среди тяжелаго развала, тягостнаго и безсмысленнаго гама митинговъ, кишашей солдатни. Въ Тирасполѣ моихъ вѣстовыхъ не было, и я подумалъ, что либо они загнали лошадей, либо ихъ куда-нибудь загнали съ конями.

Всѣ девять офицеровъ-ударниковъ жили у меня въ домѣ. Мы всюду ходили вмѣстѣ: даже бриться и за папиросами. Уже тогда мы рѣшили пробраться на Донъ, о которомъ доходили глухіе слухи.

Тирасполь, полный солдатни и матросни, тоже митинговаль, но никто изъ насъ не снималъ погонь, и ходили мы по улицамъ съ ручными гранатами, обычно четверо впереди, четверо позади, а я посрединѣ.

Товарищи насъ явно боялись, а когда попытались напасть, мы отбили нападеніе ручными гранатами. Насъ больше не трогали.

Гранаты намъ пришлось бросать у самой женской гимназіи, и сотни дѣтскихъ лицъ смотрѣли на этотъ нечаянный бой, прижавшись къ стекламъ оконъ. Такой была наша тираспольская Вандея.

Вскорѣ послѣ того, на балу въ реальномъ училищѣ, ко мнѣ подошелъ какой-то штатскій господинъ. Это былъ капитанъ Кавтарадзе, грузинъ, разстрѣлянный позже грузинами. Кавтарадзе предложилъ мнѣ ѣхать въ отрядъ полковника Дроздовскаго, формируемый въ Яссахъ, чтобы итти на Донъ къ генералу Корнилову.

О Дроздовскомъ ни я, ни девять моихъ офицеровъ совершенно ничего не знали. Я поручилъ одному изъ ударниковъ, поручику Турбину, съѣздить и узнать, существуетъ ли такой отрядъ.

Черезъ три дня поручикъ Турбинъ вернулся и доложилъ, что отрядъ Дроздовскаго, дѣйствительно, есть. Тогда мы всѣ рѣшили ѣхать къ Дроздовскому, чтобы

пробиваться къ Корнилову отрядомъ, а не одиночками, что было бы куда тяжелѣе.

Помню солнечное зимнее утро. Мать сидѣла въ гостиной у окна. Ея сѣдая голова была какъ-бы очерчена прохладнымъ серебристымъ свѣтомъ. Я вошелъ и молча сѣлъ на поручень ея кресла. Мать замѣтила, что мнѣ не по себѣ.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Да. Я ухожу съ Дроздовскимъ. Въ походъ.

— Какой походъ... Войны больше нѣтъ. Все развалилось, все кончено...

— Это хуже войны. Дѣло идетъ о существованіи Россіи.

Мать склонила сѣдую голову:

— Николай въ Ялтѣ, больной... Можетъ быть смертельно. Ты едва оправился отъ ранъ. Я почти не видала васъ... За что опять отнимаютъ васъ обоихъ? У меня же силъ больше нѣтъ. Я — мать.

Она зарыдала глухо. Я поцѣловалъ ея сѣдую голову, съ такимъ строгимъ и милымъ проборомъ.

Я говорилъ ей, какъ умѣлъ, что если не противопоставить человѣческой честной силы безчеловѣчнымъ и безчестнымъ насильникамъ, все равно они разгромятъ жизнь. Или Россія и человѣческая жизнь въ Россіи будетъ взята нами съ боя, или Россія, и вся жизнь въ ней, будутъ замучены большевиками.

Мать слушала меня, отвернувшись къ окну. Когда она обернулась, ея глаза были сухи и свѣтились печально. Мать привыкла къ разлукамъ. Мой отъѣздъ былъ рѣшенъ.

Провинціальный Тирасполь мирно свѣтился отъ снѣга. Стояла ясная, крѣпкая зима. Помню какъ въ началѣ декабря, наша горничная вызвала меня внизъ:

— Ваши пришли, — весело и загадочно сказала она.

Я вышелъ въ прихожую, а тамъ въ облакѣ морознаго пара, оттаптывая снѣгъ, стоятъ Курицынъ и Дроздовъ, оба въ ладно пригнанныхъ шинеляхъ. Оруженосцы не только доставили моихъ коней, но откормили ихъ до того, что верховые кони стали похожи на ломовыхъ битюговъ. Чудаки, везли коней

безъ одной выводки цѣлыхъ пять недѣль. По дорогѣ мои проводники завалили сѣномъ, натасканнымъ изъ интендантскихъ складовъ, весь товарный вагонъ, а подъ овесъ заняли еще сосѣднюю площадку. Сказать ли, что Курицынъ и Дроздовъ изловчились раздобыть по дорогѣ больше ста тюковъ пресованнаго сѣна. Они привезли какихъ то чудовищныхъ звѣрей для Гаргантюа, которыя вскорѣ и были проданы Перестарались.

Наша встрѣча была самой душевной. Оба они отдохнули у меня хорошо. Потомъ я помогъ Дроздову выѣхать въ Сибирь, куда онъ торопился, а Курицыну сказалъ:

— Поѣзжай и ты, братъ, въ деревню.

— А вы, ваше благородіе, куда собираетесь?

— Я къ генералу Корнилову.

— А миѣ что же дѣлать въ деревнѣ?

— Какъ, что? Вотъ чудакъ! У тебя жена, дѣти, семья.

— Сами знаете, къ семейственному я не пригожъ. А на тѣ деньги, что вы имѣ, спасибо, послали, жена годъ будетъ жить, да еще радоваться, что меня нѣтъ. Не поѣду я, ваше благородіе, въ деревню. Я ужъ съ вами останусь. Какъ допрежде было, такъ и теперь.

Я наградилъ его чѣмъ могъ, сказалъ, что онъ еще можетъ остаться у насъ присмотрѣть за конями, а потомъ обязательно долженъ возвращаться къ себѣ домой.

Съ девятью офицерами я выѣхалъ въ отрядъ Дроздовскаго, а Курицынъ, можно сказать, меня обманулъ: во Владимирскую губернію онъ такъ и не вернулся, а остался въ Тирасполѣ, въ нашемъ домѣ.

Въ Румыніи было тогда полно русскихъ войскъ, но сверху никто не отдавалъ приказа о созданіи добровольческихъ отрядовъ. Больше того, русское командованіе растерялось.

Бригады добровольцевъ формировались въ Кишиневѣ, въ Яссахъ и подъ Яссами, на станціи Скинтея.

Третья бригада полковника Дроздовскаго, куда мы прибыли, стояла на станціи Скинтея.

Помню, уже послѣ одной командировки въ Кіевъ, когда я ѣхалъ назадъ въ Скинтею, на бульварѣ, въ

Кишиневѣ, встрѣтилась мнѣ блестящая коляска бессарабскаго помѣщика. Въ коляскѣ я узналъ моего стараго пріятеля, однополчанина по большой войнѣ, поручика Милентія Димитраша. Кряжистый, съ рыжеватыми усами, спортсменъ британской складки, съ дерзко улыбающимися зеленоватыми глазами, онъ былъ извѣстенъ, какъ блестящій, безстрашный офицеръ. Димитрашъ былъ добровольцемъ въ Китаѣ, во время возстанія „Большого Кулака“, на Японской и на Великой войнѣ.

Мы расцѣловались. Указывая на трехцвѣтный наугольникъ на моемъ рукавѣ, Димитрашъ спросилъ:

— А это что такое?

— А эта Бригада Русскихъ Добровольцевъ.

Димитрашъ небрежно разспросилъ о бригадѣ, о Дроздовскомъ и пригласилъ къ себѣ обѣдать.

Въ самый разгаръ обѣда Димитрашъ куда то исчезъ. Вдругъ торжественно растворились двери, и хозяинъ показался въ полной походной формѣ, съ такимъ же, какъ у меня, наугольникомъ изъ трехцвѣтныхъ ленточекъ на рукавѣ. Слегка смущенный, онъ поглаживалъ рыжеватые усы, его зеленые глаза смѣялись:

— Ну вотъ,—сказалъ Димитрашъ,—Я бросаю все это, и тоже ухожу. Да здравствуетъ походъ. За Россію! На другое утро мы уже ѣхали съ нимъ въ Скинтею.

Въ февралѣ румыны начали вести переговоры о сепаратномъ мирѣ. Тогда то растерявшимся русскимъ командованіемъ былъ отданъ предательскій приказъ о расформированіи русскихъ добровольческихъ частей. Приказъ этотъ отдалъ генералъ Кельчевскій, перешедшій позже къ большевикамъ.

Бригады въ Кишиневѣ и въ Яссахъ приказу подчинились и были распущены. Въ нашей третьей Скинтейской бригадѣ полковникъ Дроздовскій созвалъ командный составъ, прочелъ приказъ о расформированіи и сказалъ:

— А мы все таки пойдемъ...

Ни одного мнѣнія не было подано противъ. Какъ и Корниловъ, мы возстали противъ революціи, превратились въ „военныхъ бунтовщиковъ“. Мы не только

не подчинились приказу, а спѣшно, со станціи Скин-тея, выступили на Яссы.

Сосредоточились мы у Яссъ, на вокзалѣ Соколы. Тамъ къ намъ подошла одна офицерская рота изъ бригады, расформированной въ Яссахъ. Рота тоже не подчинилась приказу. Мы стали военными бунтовщиками.

Дроздовскій уѣхалъ въ штабъ румыскаго фронта выяснить обстановку, а офицеры и добровольцы, подходившіе къ намъ изъ города, стали передавать, что нашъ отрядъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ румынскія войска. Мы немедленно отправили сторожевыя охраненія и выставили пулеметы.

У вокзала были брошены русскія пушки. Мы разставили нашу артиллерію, съ нею и эти пушки. Наши жерла были направлены на парламентъ, засѣдавшій тогда въ Ясскомъ дворцѣ.

Было рѣшено не допускать разоруженія. Я помню безсонную ночь, помню ночное собраніе старшихъ начальниковъ. Мы ждали пріѣзда Дроздовскаго, мы рѣшили пробиваться съ боемъ, если румыны не согласятся насъ пропустить.

Утромъ румыны прислали офицера съ новымъ требованіемъ разоружиться. Мы отказались и предупредили, что при первой же попыткѣ разоружить насъ силой, весь огонь нашей артиллеріи будетъ открытъ по городу и парламенту.

А Дроздовскаго все не было. У многихъ росла не только тревога за него, но закрадывались и сомнѣнія.

Въ десять часовъ утра погожаго яснаго дня, когда мы со всѣхъ сторонъ были окружены румынами и зловѣще сверкало на солнцѣ ихъ и наше оружіе, вдругъ показался автомобиль.

Въ немъ Дроздовскій. Онъ махалъ какъ будто бѣлымъ платкомъ. Машина остановилась. Толпой, кто только былъ свободенъ, мы кинулись къ командиру.

— Господа, — радостно сказалъ Дроздовскій, махая листкомъ бумаги. — Пропускъ у меня въ рукахъ: дорога свободна. Послѣ обѣда мы выступаемъ.

Отъ нашего горячаго, молодого „ура“, задрожали вокзальныя стекла.

Дроздовекій не могъ къ намъ вернуться вчера; его не пропустили. Тогда онъ поѣхалъ снова въ штабъ румынскаго фронта и тамъ раздобылъ намъ пропускъ.

Мы стали лихорадочно грузиться въ эшелоны.

26 февраля 1918 года Бригада Русскихъ Добровольцевъ полковника Михаила Гордѣевича Дроздовскаго начала свой походъ, а въ бригадѣ я, фельдфебелемъ второй офицерской роты. Въ Кишиневъ мы пришли эшелонами. Тамъ подождали, когда подойдутъ послѣдніе эшелоны и вотъ, — походъ начался.

Было насъ около тысячи бойцовъ. Никто не зналъ, что впереди. Знали одно, идемъ къ Корнилову.

Впереди сотни верстъ похода, рѣки, безкрайнія степи, половодья, весенняя грязь, и враги, со всѣхъ сторонъ свои же, русскіе враги. Впереди потемнѣвшая отъ смуты, клокочущая страна, а кругомъ растерянность, трусость, шкурничество, и слухи о разгулѣ красныхъ, о паденіи Дона, о поголовномъ истребленіи на Дону Добровольческой арміи. Мы были совершенно одни, и все таки мы шли.

Насъ велъ Дроздовскій. Теперь мы узнали, что онъ кончилъ Военную Академію, участвовалъ въ японской войнѣ добровольцемъ въ 34 сибирскомъ полку, былъ раненъ, на большой войнѣ командовалъ 60-мъ Замостскимъ пѣхотнымъ полкомъ, а когда былъ начальникомъ штаба 64-ой пѣхотной дивизіи самъ повелъ въ атаку на Карпатахъ два полка и былъ раненъ снова.

Дроздовскій былъ выразителемъ нашего вдохновенія, сосредоточіемъ нашихъ мыслей, сошедшихся въ одну мысль о воскрешеніи Россіи, нашихъ волей, слитыхъ въ одну волю борьбы за Россію и русской побѣды.

Между нами не было политическихъ разнотолковъ. Мы всѣ одинаково понимали, что большевики не политика, а беспощадное истребленіе самыхъ основъ Россіи, истребленіе въ Россіи Бога, человѣка и его свободы.

Я вижу тонкое гордое лицо Михаила Гордѣевича, смуглое отъ загара, обсохшее. Вижу, какъ стекла его „пенснэ“ отблескиваютъ дрожащими снопами свѣта.